

НЕУТОМИМЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И ПРОПАГАНДИСТ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

(К 70-летию академика Б. Б. Пиотровского)

Академик Ю. В. БРОМЛЕЙ (Москва)

В науке всегда имеются имена, которые олицетворяют собой целые этапы ее развития, люди, в которых наиболее ярко и отчетливо воплощены ее проблемы, достижения, судьбы. Очевидно, это происходит потому, что именно в подобных людях чисто человеческие судьбы меньше, чем в ком-либо, отделимы от научных, потому что такие люди не отгораживаются от эпохи, а всецело принадлежат ей — ею формируются и одновременно сами участвуют в ее формировании, словом, связаны с нею неразрывными узами.

Имя Бориса Борисовича Пиотровского, выдающегося советского ученого, историка, востоковеда, археолога, действительного члена Академии наук СССР и Академии наук АрмССР, директора Государственного Эрмитажа, заведующего кафедрой Древнего Востока ЛГУ, которому 14 февраля 1978 г. исполнилось 70 лет, неразрывно связано со становлением, развитием и успехами советской науки. Борис Борисович не только один из ее творцов и организаторов почти с самых первых, наиболее трудных этапов ее формирования, он же очень много сделал и продолжает делать для обеспечения ее преемственности, для подготовки ее научных кадров, и он же — один из тех ученых, которые обеспечили нашей науке широкое международное признание. Именно поэтому имя Бориса Борисовича Пиотровского — ученого, организатора науки, общественного деятеля, коммуниста, невозможно отделить от особенностей советской науки с присущей ей слитностью научной и гражданственной сторон.

Б. Б. Пиотровский родился в Петербурге, будущем Ленинграде, в городе, в котором проходит большая часть его жизни, в семье трудовой интеллигенции. В 1925 г., по окончании средней школы, он поступил в Ленинградский Государственный университет и в 1930 г. успешно закончил его историко-лингвистический факультет.

Та удивительная широта научных интересов, кругозора, которая отличает Б. Б. Пиотровского как ученого, его огромная эрудиция, способность одновременно работать над весьма далекими друг от друга проблемами и в то же время умение находить связь между, казалось бы, изолированными явлениями, умение произвести кропотливый анализ при несомненной склонности к синтезу — все это, конечно, не пришло сразу, вдруг, а было заложено еще в студенческие годы. Не имея ни малей-

шего намерения хоть на ноту принизить роль учителей Б. Б. Пиотровского, мне все же хотелось бы обратить внимание на ряд его особенностей как студента: разносторонность интересов, трудолюбие, отсутствие стремления к ранней и узкой специализации. Можно только удивляться как многое успел Б. Б. Пиотровский уже в короткие студенческие годы. У В. В. Струве и Н. Д. Флиттнер он учился египтологии, в том числе древнеегипетскому языку, у Н. Я. Марра — общему языкознанию, у А. А. Миллера — археологии Кавказа. С 1927 г. Б. Б. Пиотровский принимает участие в полевых исследованиях Северокавказской экспедиции ГАИМК.

Знания, столь активно приобретенные Б. Б. Пиотровским, отнюдь не были ни мертвым грузом, ни даже пассивным капиталом. Его становление как ученого произошло очень рано. Уже в студенческие годы Б. Б. Пиотровский подготовил и опубликовал ряд научных статей¹, а в 1929 г., еще до окончания Университета, поступил на работу по разряду языка в Государственную Академию истории материальной культуры. С 1931 г., не прекращая работы в ГАИМК, Б. Б. Пиотровский начинает также работать и в Государственном Эрмитаже, сначала в Отделе истории первобытной культуры, затем — в Отделе Древнего Востока. В этом отчетливо прослеживается логика эпохи и ее влияние на судьбу ученого: никогда, ни до, ни после, страна так не нуждалась в новых научных кадрах, и никогда становление ученых не происходило так рано, как в те годы.

Постоянное общение с такими корифеями кавказоведения, как Н. Я. Марр и И. А. Орбели, во многом определило судьбу Б. Б. Пиотровского как ученого. Занятия египтологией — первой привязанностью Б. Б. Пиотровского, в конкретных условиях Ленинграда начала 30-х гг. были сравнительно малоперспективными, особенно когда они были сопряжены с потребностью поездок в страну, не говоря уже об экспедициях. Верность египтологии Б. Б. Пиотровский сохранил на долгие годы — об этом лучше всего говорят его научные работы 30-х гг.², но в полной мере реализуется она лишь много лет спустя.

Зато целый ряд причин — научных, общественных, политических, — побуждает в это время к развитию широких исследований на Кавказе и в Закавказье. И среди этих исследований проблема Урарту, древней-

¹ Б. Б. Пиотровский, По поводу древнеегипетского «железо», — ДАН, серия В, 1929, № 1; его же, Das Karnak-Relief des Hohenpriesters Amenhotpe, — ДАН, серия В, 1929, № 6.

² Б. Б. Пиотровский, Семантический пучок в памятниках материальной культуры (К интерпретации росписей египетской династической керамики), — ИГАИМК, т. 6, вып. 10, Л., 1930; его же, Амулеты в форме глаза в Древнем Египте («глаз» — «солнце» — «жизнь»), — ИГАИМК, т. 9, вып. 3, 1931; его же, Древнеегипетский термин «металл», — ИГАИМК, т. 9, вып. 3, 1931; его же, Die Buste der Statue Seneserts III, — «Сборник Египтологического кружка при ЛГУ», вып. 7, Л., 1931; его же, Современное состояние изучения додинастического Египта, — ПИДО, 1934, № 7 — 8; его же, Ägyptische Altertümer im nord-Kaukasisch Gebiet, «Сборник кружка по изучению Древнего Востока», № 2(9), Л., 1935.

шего государства на территории СССР, неминуемо должна была занять одно из первых мест.

История урартоведения, в котором столько славных страниц вписано рукой Б. Б. Пиотровского, имеет свои драматические моменты. Долгое время исследование Урарту протекало как одна из побочных тем ассириологии, хотя такие видные ученые, как М. В. Никольский и



Б. А. Тураев, стремились преодолеть односторонность подобного подхода. Выделению урартоведения в самостоятельную специальность препятствовало отсутствие широких и целеустремленных археологических работ на территории этого государства. Они были начаты Н. Я. Марром и И. А. Орбели только в 1916 г., в разгар первой мировой войны, на территории древнего Вана, но раскопки эти были прерваны. Последовавшие затем трагические события в жизни армянского народа сделали возобновление раскопок на территории Западной Армении невозможными. Очень многое пришлось начинать сначала.

И с самого начала Б. Б. Пиотровский был в первых рядах советского урартоведения, навсегда связав свою судьбу ученого и человека с Арменией, ее историей, ее культурой, ее людьми.

Большинство известных науке урартских памятников находилось вне пределов Советского Союза. Поэтому, начиная с 1930 г., Б. Б. Пиотровский предпринимает систематическое и успешное обследование различных районов Советской Армении с целью обнаружения новых памятников урартского времени³. Особенно успешными были работы 1934 г. на берегу Севана, открывшие ряд урартских крепостей. В результате усилий Б. Б. Пиотровского и его коллег была создана солидная источниковедческая база, явившаяся основой будущих, более широких стационарных исследований. Такие исследования Б. Б. Пиотровский начал в 1939 г.

Однако на протяжении всех 30-х гг. он активно участвует в археологических экспедициях, действовавших в разных местах нашей страны — от Дона до Средней Азии⁴. Но, конечно, и в эти годы его внимание сосредоточено главным образом на Кавказе. Б. Б. Пиотровский принимает участие в раскопках в районе Нальчика и в Сухуми, на горе Арагац, где исследовался средневековый Анбердский замок, самостоятельно раскапывает Моздокский могильник⁵.

В 1939 г. на холме Кармир-Блур, возвышающемся над долиной Раздана, на окраине современного Еревана, скрывавшем в себе Тейшебайни, город, воздвигнутый в VII в. до н. э. при урартском царе Русе II, Б. Б. Пиотровский начал многолетние раскопки, которые принесли ему мировую известность и славу. Когда размышляешь над тем, что же лежало в основе замечательных достижений Б. Б. Пиотровского на Кармир-Блуре, невольно приходишь к выводу: дело не только в успехе самих раскопок, открывших великолепные письменные памятники⁶, произведения искусства, ювелирные изделия из драгоценных металлов, оружие, предметы быта, керамику и многое другое, и тем более не просто в везении — в конце концов для того, чтобы правильно избрать объект исследования, также нужны незаурядная квалификация и археологическое чутье. Дело прежде всего в тех принципах и правилах, которые Б. Б. Пиотровский положил в основу своих исследований, в их высоком профессионализме (кармирблурскую школу в числе прочих прошли многие армянские археологи — А. А. Мартиросян, С. А. Есаян, Г. А. Ти-

³ А. А. Аджаниян, Л. Т. Гюзальян, Б. Б. Пиотровский, Циклопические крепости Закавказья, — СГАИМК, 1932, № 1—2; Б. Б. Пиотровский, Л. Т. Гюзальян, Крепости Армении доурартского и урартского времени, — ПИМК, 1933, № 5—6; L. Gusaljan, B. Piotrovskij, Kyklopische Festungen am Süden des Sevansees (Goktscha), — «Сборник Круга по изучению Древнего Востока», вып. 1(8), Л., 1933.

⁴ Б. Б. Пиотровский, Раскопки на Чийгиз-тепе, — в сб.: Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936 г., Ташкент, 1940; его же, Разведочные работы на Гяур-Кала в Старом Мерве, — «Материалы ЮТАКЭ», вып. 1, Ашхабад, 1949.

⁵ А. А. Нессен, Б. Б. Пиотровский, Моздокский могильник, Л., 1940; Б. Б. Пиотровский, Ст. Моздок, 1936 г., — в сб.: Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг., М.—Л., 1941.

⁶ Для их публикации потребовались специальные монографии — см. И. М. Дьяконов, Урартские письма и документы, М.—Л., 1963; И. В. Арутюнян, Новые урартские надписи Кармир-Блура, Ереван, 1966.

рации, Т. С. Хачатрян, Г. Е. Арешян и другие), скрупулезной тщательности, максимальной историчности и даже образном мышлении.

Не могу удержаться, чтобы не привести слова, которыми сам Б. Б. Пиотровский описал крепость в момент ее падения, как она предстала перед глазами археологов, точнее, как ее смог увидеть археолог, обладающий большой проницательностью и обостренным чувством истории. «Осиное гнездо в углу кладовой для вина, скелет жабы около караса для вина свидетельствуют о темноте и сырости в подвалах крепости. Бронзовые наконечники стрел скифского типа, вынутые из кладки стены, указывают на то, кем были враги, разрушившие Тейшебаини. Метелка из пучка травы, с сохранившимися незаметными на первый взгляд цветками, устанавливает сезон гибели крепости — первая половина августа. Жилища, сгоревшие в пожаре, чудом уцелевшая обстановка, а иногда и костяки погибших людей и животных красноречиво рассказывают о внезапном ночном штурме. Спрятанные кучками ценности, зарытые в земляной пол или заваленные ветками, убеждают нас в том, что защитники крепости во время осады надеялись на благоприятный исход, недаром они сделали и большие запасы продовольствия, но материалы раскопок показали, что осада была недолговременной и внезапный штурм решил судьбу крепости»⁷.

И еще одна особенность, отличающая кармирблурские раскопки, — их высокая информативность. До сих пор встречаются случаи, когда материалы тех или иных раскопок лежат втуне, практически недоступные для использования. Напротив, материалы Кармир-Блура вводились в научный оборот очень оперативно, сразу же делались известными специалистам. Такой порядок был установлен буквально с первого же года раскопок⁸ и неукоснительно соблюдался в дальнейшем⁹. Поэтому осмысление результатов раскопок не откладывалось до завершения работ, а происходило в процессе их проведения. Для этого требовались немалая научная смелость, умение не бояться возможных ошибок.

И все же раскопки Тейшебаини не были для Б. Б. Пиотровского самоцелью. Они были средством более глубокого изучения истории и культуры Урарту, его места в системе государств и народов Передней Азии. В результате уже в довоенные годы Б. Б. Пиотровский опубликовал ряд интересных работ, посвященных этой теме¹⁰, а полем его исследований

⁷ Б. Б. Пиотровский, вступ. статья к кн.: И. М. Дьяконов, Урартские письма и документы, стр. 13—14.

⁸ Б. Б. Пиотровский, Предварительный отчет о раскопках археологической экспедиции Эрмитажа на Кармир-Блуре, около сел. Чарбах, в 1939 г., — «Известия Арм. ФАН СССР», 1940, № 3; его же, Раскопки Кармир-Блура (1939 г.), — СГЭ, вып. 1, 1940.

⁹ См., например, Кармир-Блур, вып. I—IV, Ереван, 1950—1955.

¹⁰ Б. Б. Пиотровский, Шахриарская клинописная надпись, — ДАН, серия В, 1931, № 2; его же, Урартские бронзовые статуэтки собрания Эрмитажа, — ТОВЭ, т. 1, 1939; его же, Урартское государство во второй половине VIII в. до н. э., — ВДИ, 1939, № 1; его же, Урарту. Древнейшее государство Закавказья, Л., 1939, его же, Урартская бронзовая статуэтка Гос. музея Армении, — СА, 1940, вып. VI; 3 Հանդես, № 1

становится вся древняя Передняя Азия. В 1938 г. по совокупности работ ему была присвоена кандидатская степень.

Первое, самое трудное время войны Б. Б. Пиотровский проводит в осажденном Ленинграде. Вместе с жителями города-героя он делил тяготы блокадной жизни, вместе с ними отдавал все силы для обороны города Ленина. Б. Б. Пиотровский закончил партизанские курсы Дзержинского района Ленинграда, он был оставлен для оборонной работы в самом городе и назначен заместителем начальника противопожарной команды Эрмитажа. Специалист по Урарту стал лучшим из «пожарных» Эрмитажа. Широко известен подвиг ленинградских ученых, ни на день не прекративших своей научной деятельности, подвиг сотрудников Эрмитажа во главе с И. А. Орбели, сделавших все мыслимое и немыслимое для спасения сокровищ искусства и культуры. Б. Б. Пиотровский — гражданин, патриот, ученый, был и тогда в их первых рядах. Вместе с группой сотрудников Эрмитажа он покинул Ленинград по завершении консервационных работ музея, только после того, как самые тяжелые дни остались позади, как фашистские войска стали топтаться на месте.

Но даже в месяцы блокады Б. Б. Пиотровский находил силы и время, чтобы работать над начатой еще до войны монографией «История и культура Урарту», справедливо полагая, что открытие новых и ярких страниц истории СССР в военное время является столь же актуальным делом, как и в мирные годы.

В 1942 г. Б. Б. Пиотровский был командирован в Армению, время пребывания в которой оказалось чрезвычайно плодотворным в его жизни и научной деятельности, поистине временем большого творческого подъема. Б. Б. Пиотровский занимается преподавательской деятельностью, активно продолжает научные исследования. Поэтому вполне закономерно, что именно в эти годы, на земле Армении, с которой ученого соединяют столь многие личные, дружеские и профессиональные узы, Б. Б. Пиотровский завершил работу над монографией, над которой он работал в осажденном Ленинграде. О том, что это был поистине новаторский труд, равносильный научному открытию, и в то же время труд по-настоящему актуальный, в полной мере отвечавший как научным, так и общественным потребностям, лучше всего свидетельствуют факты. Монография Б. Б. Пиотровского «История и культура Урарту» была опубликована в 1944 г., блестяще защищена ее автором в качестве докторской диссертации, высоко оценена в научных и общественных кругах¹¹ и в 1946 г. была удостоена Государственной премии. А годом ранее Б. Б. Пиотровский был избран членом-корреспондентом АН АрмССР.

Для того чтобы в полной мере оценить значение этой работы, необходимо припомнить предшествующее ей состояние урартской проблемы,

Б. Б. Пиотровский, Н. Д. Флиттнер, История техники Древнего Двуречья, — в сб.: Очерки по истории техники Древнего Востока, М.—Л., 1940.

¹¹ См. рецензии: В. В. Струве, — «Известия АН АрмССР (обществ. науки)», 1944, № 3—4, и ВДН, 1946, № 1; К. В. Тревер, — «Известия» АН СССР, серия ист. и филос., т. 2, 1945, № 2.

которое теперь, именно благодаря исследованиям Б. Б. Пиотровского, кажется уже далеким прошлым. Поскольку изучение Урарту протекало в тени ее более известного и более сильного южного соседа — Ассирии, то и урартская история воспринималась по большей части лишь в той мере, в какой она была связана с историей Ассирии. Исследование урартских письменных памятников рассматривалось лишь как раздел ассириологии. Урартское искусство считалось многими только сколком с ассирийского. Может быть, именно поэтому, а также потому, что ученые располагали довольно скудной источниковедческой базой, публикации, посвященные Урарту, носили преимущественно частный характер, а в общих курсах его истории не всегда отводилось надлежащее место.

В книге Б. Б. Пиотровского впервые была реконструирована история этого государства на протяжении всего его существования. Впервые Урарту предстало не как слабый сосед страны-гегемона, а как самостоятельное и равноправное государство со своей собственной историей и культурой, со своей спецификой, государство, без которого вся история Древнего Востока будет выглядеть неполной и неточной.

Но книга Б. Б. Пиотровского имела еще одно важное значение, выводившее ее за непосредственные рамки древней истории Закавказья и Передней Азии. Это значение — методическое. В книге на конкретном материале был убедительно решен старый вопрос об историчности археологической науки, найден и пройден один из возможных путей исторической интерпретации археологического материала — проблема, кстати сказать, не утратившая своего значения и в наши дни. Этот путь заключается не в декларативных утверждениях, что археология является частью истории — в среде советских ученых это давно стало общепризнанным положением, — и не в попытках искусственно создать свой собственный исторический понятийный аппарат (что свойственно представителям школы «новой археологии» на Западе). Применительно к той эпохе, которую исследовал Б. Б. Пиотровский, он заключается в комплексном исследовании самых различных источников — археологических, письменных и других, в их максимальном и органическом синтезе, взаимопроверке, привлечении критериев и методов смежных наук. Книга Б. Б. Пиотровского блестяще доказала перспективность этого пути, и не случайно в последующие годы он получает все большее и большее признание. Но нельзя забывать, что именно Б. Б. Пиотровский был одним из его пионеров!

В послевоенные годы, когда Б. Б. Пиотровский вернулся в родной Ленинград, ярко проявилась еще одна сторона его блестящего и многогранного дарования — научно-организационная. Глубокая эрудиция в самых различных отраслях знания, умение мыслить широко, отделять главное от второстепенного, чувство нового, наиболее перспективного, и чисто человеческие качества ученого — органическая интеллигентность, подлинный демократизм, принципиальность и требовательность не только к другим, но прежде всего к самому себе, сочетающиеся с тактом, доброжелательностью, теплотой, отзывчивостью — все это делало из

Б. Б. Пиотровского прирожденного руководителя, пользующегося большим авторитетом и уважением.

С 1948 по 1953 гг. Б. Б. Пиотровский занимает пост заместителя директора Эрмитажа по научной части, являясь ближайшим помощником И. А. Орбели. С 1953 по 1964 гг. он возглавляет Ленинградское отделение Института археологии АН СССР, а в 1964 г. становится директором Государственного Эрмитажа. Помимо этого он заведует кафедрой Древнего Востока Восточного факультета ЛГУ, представляет СССР в Международном комитете музеев при ЮНЕСКО, является членом нескольких ученых советов, бессменным членом редколлегии журнала «Советская археология» и «Историко-филологического журнала», читает лекции в Университете, готовит аспирантов, исполняет другие обязанности. Поистине поразительная энергия!

И при этом Б. Б. Пиотровский не прекращает интенсивных научных исследований.

В 1949 г. на основе курса лекций, которые Б. Б. Пиотровский в течение нескольких лет читал на историческом факультете ЛГУ, он публикует «Археологию Закавказья», книгу, которую без преувеличения можно назвать классической¹². Сам автор с присущей ему скромностью заметил про нее: «я старался выявить основную линию истории развития древнего общества Закавказья для истории народов СССР на наглядном археологическом материале»¹³. К этим словам, однако, необходимо добавить, что второй подобной работы, где с древнейших времен вплоть до I тыс. до н. э. излагалась бы история всего Закавказья как особого историко-культурного региона, не было и нет ни в советской, ни в мировой научной литературе до сих пор, почти через тридцать лет после ее опубликования. Эта книга остается единственным обобщающим исследованием по археологии Закавказья, настольной книгой многих историков, археологов и этнографов. Давно уже ощущается настоятельная потребность в ее переиздании.

Работу в области археологии Закавказья Б. Б. Пиотровский продолжает и в последующие годы, публикуя ряд ценных исследований¹⁴.

Другой важной темой, занимающей ученого, являются скифы в древнейший период их истории¹⁵. И в этой теме его работа ознаменова-

¹² Б. Б. Пиотровский, Археология Закавказья, Л., 1949.

¹³ Там же, стр. 3.

¹⁴ См., например, Б. Б. Пиотровский, Поселения медного века в Армении, — СА, 1949, вып. 11; его же, Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье, — СА, 1955, вып. 23; его же, Успехи советской археологии в изучении древнейшей истории Закавказья и Средней Азии, — УЗИВ, 1960, т. 25; его же, The aeneolithic culture of Transcaucasia in the third millennium B. C., — VI International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences. Reports and Communications by Archaeologists of the USSR*, Moscow, 1962.

¹⁵ См., например, Б. Б. Пиотровский, Скифы в Закавказье, — УЗЛГУ, № 85, серия исторических наук, вып. 13, 1949; его же, Скифы и Древний Восток, — СА, 1954, вып. 19; его же, Early Cultures of the Lands of the Scythians, — From the

лась рядом крупных достижений. Было уточнено время пребывания скифов в Передней Азии, собраны и проанализированы его материальные следы этого времени, впервые разработан вопрос о взаимоотношениях скифов и Урарту (в частности, ученый убедительно показал, что скифское искусство испытывало несомненное воздействие урартского, и это явилось существенным вкладом в решение проблемы происхождения звериного стиля), исследована роль скифов и других кочевников евразийских степей в этногенетических процессах, протекавших в I тыс. до н. э. в Закавказье.

Эти работы Б. Б. Пиотровского важны еще и тем, что они прослеживают глубокие и разносторонние связи между различными племенами и народами, обитавшими в древности на территории СССР,—связи политические, культурные и этногенетические.

Еще в годы войны Б. Б. Пиотровский начал работать над другой, также весьма актуальной, темой—происхождением армянского народа. Его исследования в этой области продолжались и в послевоенный период¹⁶. Ряд оригинальных положений, выдвинутых ученым — о характере преемственности между урартским и армянским этносами, о двух древних компонентах в составе армянского народа, об этнолингвистических процессах, протекавших на территории древней Армении, и т. д.,—являются существенным вкладом в эту сложную и до конца еще не решенную проблему.

Подводя итог своим исследованиям в области этногенеза армянского народа, Б. Б. Пиотровский писал: «Как мы видим, процесс образования современных закавказских народов — процесс очень сложный, который нельзя рассматривать в рамках одного Закавказья, так же как нельзя искать на Древнем Востоке прямых предков современных народов. От могущественных государств Передней Азии осталось большое культурное наследие и незначительное этническое. Как мы указывали, урарты, продолжавшие и после распада Урартского государства жить в районе оз. Ван, быстро потеряли свой язык, были ассимилированы армянами, которые унаследовали их культуру»¹⁷. Этот вывод — результат многолетних творческих исканий.

В исследованиях Б. Б. Пиотровского по этногенезу армянского народа вновь ярко проявились его сильные стороны как ученого: комплексный подход, основанный на использовании широкого круга самых разнообразных источников, глубокий историзм, новаторский подход к традиционным проблемам. Не секрет, что некоторые ученые до сих пор еще

Lands of the Scythian». The Metropolitan Museum of Art, 1975; его же. Excavations and Discoveries in Scythian Lands,—там же.

¹⁶ Б. Б. Пиотровский, К вопросу о происхождении армянского народа.— «Известия» АН АрмССР (обществ. науки), 1945, № 6; его же. О происхождении армянского народа, Ереван, 1946; его же. Ванское царство (Урарту), М., 1959; см. также: История армянского народа, ч. I, Ереван, 1951; История армянского народа, ч. I, Ереван, 1958, где ряд разделов написан Б. Б. Пиотровским.

¹⁷ Б. Б. Пиотровский, Ванское царство, стр. 130.

пытаются решать этногенетические проблемы, одни из самых сложных в науке, преимущественно на материале своей собственной специальности, неохотно обращаясь к данным смежных наук. Про исследования подобного рода сразу можно сказать, кем они написаны — археологом, историком, антропологом или лингвистом, и тем не менее они претендуют на решение проблемы, находящейся на стыке перечисленных и некоторых других наук.

Подобный подход заведомо малоперспективен, и, к счастью, у него становится все меньше последователей. Напротив, соответствующие исследования Б. Б. Пиотровского написаны ученым, в равной мере совершенно владеющим источниками различных видов и, главное, умеющим их синтезировать — словом, настоящим историком.

Но, конечно, главным направлением научных исследований Б. Б. Пиотровского, по-прежнему, оставалось Урарту. Он продолжает регулярные полевые исследования, причем не только Тейшебаини (так, в 1948 г. ученый раскопал в г. Кировакане курган триалетской культуры первой пол. II тыс. до н. э., в котором были обнаружены великолепные произведения прикладного искусства, отражающие влияние средиземноморской культуры). В то же время он систематически публикует исследования, углубляющие и развивающие наши знания о древнем Урарту¹⁸.

Итогом всех этих продолжающихся урартоведческих работ явились две книги — «Ванское царство», являющееся дополненным и переработанным изданием «Истории и культуры Урарту»¹⁹, и «Искусство Урарту»²⁰.

Значение этих книг трудно переоценить. Они явились всесторонним и полным исследованием урартского государства, его истории, общественного строя, культуры и искусства, исторических судеб, притом взятых не изолированно, а на широком фоне международных отношений конца II — первой половины I тыс. до н. э. Кроме того, содержание этих книг выходило за традиционные рамки истории древнего Востока, потому что в них, пожалуй, впервые Урарту стало рассматриваться как древнейшее государство на территории СССР, не только имея в виду его географическое расположение, но и в глубоком контексте его исто-

¹⁸ См., например, Б. Б. Пиотровский, Город бога Тейшебы—последний оплот урартской власти в Закавказье,—ВДИ, 1948, № 4; его же, Урарту,—в сб.: «По следам древних культур», М., 1951; его же, Новые данные о древнейших цивилизациях на территории СССР,—Доклады советской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме, М., 1954; его же, Раскопки урартской крепости на холме Кармир-Блур,—Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов. Секция Ирана; его же, Fortschritte der Forschung des Urartu Reichs,—Vortrag auf dem XXIV Internationalen Orientalistenkongress, Moskau, 1957; его же, Город бога Тейшебы,—СА, 1959, № 2.

¹⁹ Б. Б. Пиотровский, Ванское царство (Урарту), М., 1959. Итальянский перевод: Il Regno di Van (Urartu), Roma, 1966.

²⁰ Б. Б. Пиотровский, Искусство Урарту, Л., 1962. Английский перевод: Urartu. The Kingdom of Van and its Art, London, 1967.

рических, культурных и этнических связей и контактов с древними племенами и народами Закавказья, Кавказа и юга Восточной Европы.

Очень много нового, подчас неожиданного внесли исследования Б. Б. Пиотровского в изучение искусства древней Передней Азии, прежде всего, конечно, самого Урарту. Они окончательно доказали самобытность урартского искусства, в котором даже заимствованные элементы, в частности ассирийские, подвергались творческой переработке. В то же время обнаружилось, что урартское искусство было своеобразным связующим звеном в искусстве древних государств и народов Востока и Запада и оказало определенное воздействие на его последующее развитие на весьма обширных территориях.

Исследования в области урартологии и древней Передней Азии Борис Борисович продолжал и в последующие годы²¹ и продолжает их до сих пор.

Несмотря на многолетние интенсивные исследования древней истории Передней Азии и Закавказья, Б. Б. Пиотровский не прекратил и занятий египтологией, столь успешно начатых им в довоенные годы²². Его высокая профессиональная квалификация в этой области и огромный опыт полевых археологических исследований смогли слиться вместе и привести к прекрасным результатам в начале 60-х гг., во время мероприятий ЮНЕСКО по спасению памятников Нубии. Б. Б. Пиотровский представлял СССР в Консультативном комитете экспертов ЮНЕСКО при правительстве ОАР, а в 1961—1963 гг. возглавлял советскую археологическую экспедицию на территории затопления Асуанской плотины. Экспедиция оказалась чрезвычайно успешной и результативной, и в этом была немалая заслуга ее руководителя. Целый ряд работ, опубликованных в результате Нубийской экспедиции как самим Б. Б. Пиотровским²³, так и его сотрудниками, явились ценным вкладом в египтологию.

В 60-е гг. Б. Б. Пиотровский обратился также к ряду общетеоретических проблем, имеющих важное значение для исторической науки. В частности, его исследования о роли скотоводства в процессах разложения первобытного общества и возникновения классов и государства, из-

²¹ Б. Б. Пиотровский, *Бронзовые изделия с надписями Сардури II из раскопок на Кармир-Блуре*,—в кн.: *Исследования по истории культуры народов Востока*, сб. в честь акад. И. А. Орбели, М.—Л., 1960; его же, *Урартская колесница*,—в кн.: *Древний мир*, М., 1962; его же, *Урартская надпись из раскопок Кармир-Блуре, связанная с основанием Эрбунни*,—ЭВ, 1966, вып. 17; его же, *Кармир-Блур*, Л., 1970.

²² Б. Б. Пиотровский, *Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза*,—СА, 1958, № 1.

²³ Б. Б. Пиотровский, *Археологическая экспедиция в Нубии (1961—1962)*,—ВАН, 1962, № 8; его же, *Вадн Аллаки—древний путь к золотым рудникам Нубии*,—М., 1963; его же, *Нубийская археологическая экспедиция АН СССР (1961—1962 гг.)*,—ВАН, 1964, № 11; его же, *Страницы древней истории Северной Нубии*,—в кн.: *Древняя Нубия*, М.—Л., 1964; его же, *Древнеегипетские надписи в районе сел. Дакка и Вадн-Аллаки (по материалам предварительных работ)*,—там же; его же, *Две египетские надписи VI династии в Вадн-Аллаки (Нубия)*,—ВДН, 1966, № 1; его же, *Связи культуры Древнего Египта с культурами Африки*,—ТНЭ, н. с., т. ХСIII, Л., стр. 369.

ложенные им в ряде докладов²⁴, но, к сожалению, до сих пор полностью не опубликованные, могут существенно обогатить изучение истории первобытного общества. Много внимания в своих работах он уделяет вопросам культурного наследия и его роли в истории развития общества²⁵.

Один из крупнейших представителей советской исторической науки, Б. Б. Пиотровский неустанно способствует пропаганде ее достижений за рубежом, повышению ее международного престижа. Имя и исследования ученого хорошо известны зарубежным коллегам еще с довоенных времен и пользуются у них высоким авторитетом. Ряд его книг и статей был переведен на английский, французский, немецкий, итальянский, японский, венгерский и другие языки. С 1935 г. Б. Б. Пиотровский участвует в различных международных конгрессах и конференциях историков, востоковедов, археологов и музейных работников. Его яркие и содержательные доклады и выступления надолго запомнились очень многим. Во время своих зарубежных командировок Б. Б. Пиотровский также сделал очень многое для знакомства научной общественности различных стран с развитием науки в СССР, для роста ее авторитета; им читались лекции в университетах и музейных лекториях Бельгии, Австрии, Канады и других стран.

И в то же время, несмотря на большую творческую активность Б. Б. Пиотровского в 60—70-х гг., с прежней интенсивностью продолжается его научно-организационная деятельность. Конечно, в первую очередь в этой связи необходимо вспомнить о многолетнем руководстве им Государственным Эрмитажем — крупнейшим музеем нашей страны, одним из его ведущих научных и культурно-просветительных учреждений. Б. Б. Пиотровский сделал и делает очень многое для еще большей популяризации деятельности Эрмитажа, постоянно ищет и проводит в жизнь новые нешаблонные методы, направленные на дальнейшее совершенствование методов его работы, на оптимальное сочетание научной и культурной деятельности. Много сил и времени отдает он решению сложной и трудной задачи: стремлению к тому, чтобы собрание Эрмитажа было доступно для всех граждан СССР, и необходимостью улучшать качество его хранения. В последние полтора десятилетия произведения из этого собрания значительно чаще, чем прежде, стали демонстрироваться на передвижных выставках в различных городах СССР, а экспозиция музея все время изменяется и совершенствуется. В самом Эрмитаже различные выставки также стали повседневным явлением. Наконец, целый ряд искусствоведческих изданий Эрмитажа вышел в свет при непосредственном участии его директора.

Большой заслугой Б. Б. Пиотровского перед советской и мировой общественностью является его непосредственное участие в руководстве

²⁴ См., например: Б. Б. Пиотровский, О характере закономерностей в истории культуры.—в кн.: Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1960 г., М., 1961.

²⁵ Б. Б. Пиотровский, Значение культурного наследия для развития культуры и формы его сохранения,—«Новая и новейшая история», 1976, № 1.

культурным обменом, в результате которого, в частности, во многих странах демонстрировались шедевры Эрмитажа, а в Советском Союзе—лучшие произведения искусства из многих крупнейших музеев Европы, Америки, Азии и Африки. Достаточно вспомнить сенсационный успех, которым сопровождалась выставка шедевров скифского искусства в США, Франции и других странах. Во вступительных статьях каталогов «Золото скифов» им дана обобщающая картина изучения культуры скифов, а в предисловии к каталогу «Сокровища гробницы Тутанхамона» Б. Б. Пиотровским впервые поставлен и частично разрешен вопрос об иноземных предметах в могиле египетского фараона.

Очереди перед дверьми Государственного Эрмитажа, ставшие повседневным явлением, конечно, создают немало дополнительных хлопот и трудностей его сотрудникам и директору, но они же свидетельствуют об их плодотворной и благородной деятельности, о том, что бывший Императорский Эрмитаж превратился в подлинно общенародное культурное учреждение.

То чувство нового, которое свойственно Б. Б. Пиотровскому, умение подняться над узкими рамками отдельных научных специализаций, стремление к их синтезу постоянно делают его одним из тех ученых и организаторов науки, которые не только сами шагают во главе научного прогресса, но и своей разносторонней деятельностью оказывают на него стимулирующее воздействие. В этом отношении очень показательна его деятельность на посту председателя Совета по истории мировой культуры при Отделении исторических наук АН СССР. Совет смог объединить и координировать деятельность большого отряда ученых разных специальностей, живущих и работающих в различных городах СССР, а разрабатываемые под эгидой этого Совета проблемы всегда находятся на переднем крае науки.

Ученый и организатор науки, Б. Б. Пиотровский никогда не был кабинетным ученым. Его общественная деятельность всегда была и остается столь же кипучей и многогранной, как и чисто научная. Впрочем, применительно к Б. Б. Пиотровскому их невозможно полностью разграничить.

С 1945 г. Б. Б. Пиотровский является членом КПСС. Он член Ленинградского городского комитета КПСС, был депутатом Ленинградского горсовета X и XI созывов, проводит большую работу как председатель Ленинградского совета Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры и как председатель Ленинградского отделения общества «СССР—Франция».

Партия, правительство, научная общественность высоко оценили заслуги Б. Б. Пиотровского в развитии советской науки. В 1961 г. ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки АрмССР, в 1964 г.—звание заслуженного деятеля искусств РСФСР. В 1968 г. Б. Б. Пиотровский был избран академиком АН АрмССР, а в 1970 г.—академиком АН СССР.

За самоотверженный труд, плодотворную научную деятельность и подготовку научных кадров Б. Б. Пиотровский награжден двумя орденами Ленина, тремя орденами Трудового Красного знамени и медалями СССР.

Международная научная общественность также высоко оценила заслуги Б. Б. Пиотровского, часто выступающего на международных конгрессах, на открытии крупных художественных выставок за границей и в Советском Союзе, неоднократно руководителя делегаций по культурным связям с зарубежными странами. Он является почетным членом Флорентийского общества доистории и протоистории (с 1961 г.), почетным доктором Делийского университета (с 1964 г.), почетным членом Института египтологии Карлова университета в Праге (с 1965 г.), членом-корреспондентом Германского археологического института (с 1966 г.), членом-корреспондентом Британской Академии наук (с 1967 г.), членом-корреспондентом Баварской Академии наук (с 1968 г.), членом-корреспондентом Академии надписей и изящной словесности Французского института (с 1970 г.), заслуженным деятелем культуры Польской Народной Республики (с 1974 г.) и почетным членом Азиатского общества в Париже (с 1977 г.).

Б. Б. Пиотровский встречает свое семидесятилетие в расцвете научной и научно-организационной деятельности. Все, кому доводилось с ним общаться, кто находится под обаянием его яркой личности, могут только дивиться его кипучей энергии, которая неподвластна возрасту. Можно не сомневаться, что Бориса Борисовича ждут большие и новые свершения, новые творческие успехи в деле, которому он посвятил свою жизнь, которому он всегда отдавал и продолжает отдавать все свои силы.

**ՄՇԱԿՈՒՅԹԻ ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ ԱՆԽՈՆՁ ՀԵՏԱԶՈՏՈՂԸ
ԵՎ ՊՐՈՊԱԴԱՆԴԻՍՏԸ**

(Ակադեմիկոս Բ. Բ. Պիոտրովսկու ծննդյան 70-ամյակի առթիվ)

Ակադեմիկոս Յու. Վ. Բրոմլեյ (Մոսկվա)

(Ա մ ֆ ո փ ո ս մ)

Բորիս Բորիսովիչ Պիոտրովսկու սովետական ազնավոր գիտնականի, պատմաբանի, արևելագետի, հնագետի, ՍՍՀՄ գիտությունների ակադեմիայի և ՀՍՀՂ գիտությունների ակադեմիայի իսկական անդամի, պետական էրմիտաժի ղերեկտորի, Լենինգրադի պետհամալսարանի Հին Արևելքի միջինի վարիչի անունը, որի 70-ամյակը լրացավ 1978 թ. փետրվարի 14-ին, անխղճ լիորեն կապված է սովետական գիտության զարգացման ու հաջողությունների հետ։ Բ. Բ. Պիոտրովսկին դիմավորում է իր 70-ամյակը պիտական և գիտակազմակերպչական գործունեության ծաղկման շրջանում, և կարելի է չկասկածել, որ նրան սպասում են նոր և մեծ սխրանքներ, նոր ստեղծագործական հաջողություններ այն գործում, որին նա նվիրել է իր կյանքը, որին նա միշտ տվել ու այժմ էլ տալիս է իր բոլոր ուժերը։